

ПРИЗНАКИ СЕПАРАЦИИ ДОЧЕРИ В ОТНОШЕНИЯХ С МАСКУЛИННОЙ И ФЕМИНИННОЙ МАТЕРЬЮ¹

© 2013 г. Н. Е. Харламенкова

Доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии посттравматического стресса, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН, Москва

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования специфики отношений, которые складываются в паре мать–дочь. Показано, что наиболее явные признаки сепарации дочери от матери обнаруживаются в более автономных парах и проявляются в переживании положительных эмоций. Доказано, что зависимость дочери от матери связана с выраженностью у матери маскулинных признаков и с преимущественной интеграцией дочерью мужских черт характера. Различия между девушками с разным уровнем сепарации от матери по типам отношения с ней (монада, диада, триада) не выявлены.

Ключевые слова: представления о матери, автономность, сепарация, эмоции, монадические, диадические, триадические отношения.

Отношения между матерью и дочерью строятся в самых разных планах, ракурсах, определяют совокупность факторов и не всегда предсказуемы. Наиболее живой и устойчиво актуальной сферой отношений матери и дочери является пространство между состояниями зависимости друг от друга и автономии, независимости. История этих отношений начинается с момента рождения дочери и даже раньше, в период пренатального развития ребенка [3, 7, 8]. Утверждается, что влияние матери и вклад отца в пренатальное развитие ребенка, которые не ограничиваются трансляцией ему генетической информации, а заключаются в разделении ответственности за поддержание специфического поведения, соответствующего задачам вынашивания, определяют уровень психического благополучия ребенка уже в первые месяцы его жизни [4].

Роль родителей в физическом и психическом развитии девочки или мальчика никем активно не оспаривается. Это влияние само по себе стало научным фактом, который не требует специальных доказательств. Однако теснота и близость контактов, эмоциональная откликаемость родителей на чувства ребенка, создание доверительных отношений в семье и др. важны не сами по себе, а в сочетании с задачей развития у ребенка само-

стоятельности в инициации собственной жизни, развития у него автономии².

Цель статьи – анализ проблемы сепарации и ее признаков в отношениях между матерью и дочерью (проблема автономии выступает как вторичная по отношению к изучению сепарации и рассматривается как достигнутый или достигаемый результат). Именно поэтому сепарация как процесс должна обнаруживать себя в том, (1) каким образом строятся отношения между двумя субъектами, какое влияние они оказывают друг на друга, (2) какие эмоции при этом испытывают оба партнера и (3) какова структура (тип) отношений между ними. При этом важно показать, что чувствительность, поддержка и активная помощь родителей способствуют развитию социальной компетентности ребенка и его адаптации, которые постепенно начинают проявляться в виде умения самостоятельно строить доверительные (равные) отношения со старшими (прежде всего, с родителями), в переживании положительных эмоций в процессе общения со значимыми людьми, в чувствительности к различным по своей структуре отношениям – к диаде и триаде, т.е. в целом обнаруживать себя в признаках сепарации.

² Под автономией понимается способность личности проявлять самостоятельность в планировании своей жизни и в принятии решений, переживание ею своей независимости в выражении чувств, свобода в выборе круга общения.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-06-00301а).

Значительное количество современных исследований направлено на анализ деструктивных отношений между родителями и детьми, которые приводят как к дезадаптации, так и к отклонениям в развитии ребенка. Известно, что неспособность завершить необходимые операции в процессе сепарации–индивидуации в ходе развития детей младшего возраста рассматривается как основной источник разнообразных проблем, в частности развития пограничной патологии [22], и может особым образом проявляться на последующих стадиях развития. По мнению Жана Бержера, лишь в подростковом возрасте “психические структуры могут быть перестроены (психотические, невротические, пограничные...), и в любом случае пубертат предоставляет подростку последний шанс спонтанного решения Эдипова конфликта, если этого пока не произошло” [1, с. 61].

Тем не менее, именно в подростковом возрасте наблюдается обострение отношений с родителями, проявляющееся в разных видах девиаций. В исследовании Х. Крин проанализированы последствия конфликтных отношений подростка с родителями с учетом триадных связей в семье. Результаты показали, что уровень выраженности конфликта либо с матерью, либо с отцом определяется, соответственно, более высоким уровнем симптоматики интернализации и экстернализации как у мальчиков, так и у девочек. Эффекты взаимодействия, т.е. учета отношений и с отцом, и с матерью, значимы для прогнозирования экстернализации у мальчиков, а конфликт с матерью наиболее негативно отражается на девочках, при этом поддержка отца значительной роли в изменении симптоматики не играет [15].

Доказано, что качество семейных отношений в подростковом возрасте способствует развитию у детей умения усиливать и поддерживать адаптивные ресурсы для преодоления стресса в период пубертата, в также на стадии взрослости [11], что, безусловно, связано с передачей ребенку опыта совладания с трудностями, а также с развитием (благодаря родительской поддержке) уверенности в себе и чувства автономии. Конфликтные детско-родительские отношения, напротив, перерастают в зависимость и закрепляются в определенном формате отношений, таком, например, как “ведущий и ведомый”, где позиции ребенка и родителя способны лишь инвертироваться, но качественно не меняются. Согласно системной модели семейных отношений, паттерны взаимодействия между родителями и подростком меняются в зависимости от присутствия (триада) или отсутствия (диа-

да) отца или матери. Присутствие отца повышает качество отношений матери и сына, в то время как присутствие матери снижает качество отношений в паре отец–сын. Матери в присутствии супруга по-разному относятся к девочкам и мальчикам, в то время как отцы ведут себя по-разному в отношении девочек и мальчиков при отсутствии супруги. По сравнению с диадой, дифференциация родительской роли возрастает в триаде, но только в семьях мальчиков, способствуя развитию их идентичности и формированию автономного поведения [19].

Несмотря на значимость триадных отношений для психического развития подростка, в некоторых случаях отношения в диаде мать–дочь существенно не меняются под влиянием отца. Выявлено, что активное участие матери в жизни дочери способствует снижению негативных переживаний и уровня стресса независимо от степени вовлеченности отца [17]. Более того, матери, которые придерживаются традиционных взглядов на гендерную роль, наиболее подкрепляют у своих дочерей типично женские реакции на трудные ситуации, игнорируя мужские [14].

Взаимопонимание между матерью и дочерью, их близость часто рассматриваются как одно из важнейших условий психического здоровья дочери-подростка, как основа для ее благополучного развития в период юности и взрослости, для становления ее внутренней позиции. По данным П. Гросс и Р. МакКаллам, уровень синхронности между матерью и дочерью (количество и качество связей, поддержка и гармония в отношениях) влияет на уровень самооценки дочери и ее академическую успеваемость [20].

Одной из стратегий материнского поведения, направленной на развитие дочери как самостоятельной личности, является, как уже было показано выше, стратегия поддержки дочери в ее автономии. В этом случае дочь описывает отношения мать–дочь как отношения, построенные на доверии, понимании и поощрении. Дочери, чьи матери непоследовательны в описании своих матерей как сдерживающих их автономию, оказываются крайне зависимыми от своих матерей. Дочери, чьи матери последовательно описывают своих матерей как сдерживающих автономию, наоборот, крайне независимы, но их независимость имеет защитный характер [13]. Результаты приведенного исследования показывают, что в развитии автономии дочери большую роль играют трансгенерационные связи, т.е. не только отношения дочери с собственной матерью, но и опыт отношений самой матери со своими родителями.

Нарушение этих отношений находит проявление в разнообразных эмоциональных конфликтах, например, таких, как конфликт зависимости, конфликт гнева и материнский конфликт. Было выяснено, что конфликт зависимости, как правило, имеет форму взаимозависимости, конфликт гнева тесно связан с чувством вины, а материнский конфликт, остро проявляющийся в симптомах послеродовой депрессии, основан на невозможности идентификации с собственной матерью (и отцом) [12]. В ряде исследований подтверждается, что уменьшение доверительности и поддержки в паре мать–дочь ведет не только к конфликтам, но и к таким серьезным проблемам, как нарушение пищевого поведения у дочери [18, 20]. Так, родители девочек с симптомами анорексии сообщают двойные послания, в которых забота, любовь сочетаются с пренебрежением к потребностям своей дочери в самовыражении и выражении своих чувств. Дочери, в свою очередь, амбивалентны в раскрытии своих чувств, направленных против подчинения родителям. В противоположность этому девочки с симптомами булимии, а также их родители проявляют в отношениях враждебность, и именно эти чувства разрушают сепарацию дочери и ее самоутверждение [21].

Стремление матери к развитию у своей дочери чувства собственного достоинства определяется совокупностью факторов, среди которых, как отмечалось выше, важную роль играет ощущение матерью собственной автономии и независимости. По данным Е.В. Кумыковой, внутренне независимая женщина зрелого возраста, по сравнению с молодыми женщинами, имеет более интегрированную полоролевую идентичность; такие женщины принимают свою женскую идентичность, включая в нее маскулинные черты характера [5]. С самого раннего детства девочка получает опыт развития фемининных и маскулинных признаков и прилагает усилия по их интеграции [16].

По-видимому, активное участие матери в жизни дочери, выражающееся в поддержке дочери в автономии, в большей степени свойственно женщинам, имеющим фемининные черты характера, тогда как женщины с выраженной маскулинностью либо не допускают соперничества со стороны собственной дочери и поэтому препятствует развитию ее автономии, либо игнорируют дочь как субъекта, способного к принятию самостоятельных решений [10]. Оценивая особенности нормального материнского отношения к ребенку уже на первых стадиях его развития, М. Малер пишет, что особая роль матери состоит “не только в поддержании чувства отдельности ребенка, но

также в специфическом формировании черт его стремящейся к индивидуации личности посредством взаимодополнения, противопоставления, идентификации и разотождествления” [6, с. 33]. Думается, что эти стратегии не утрачивают своего значения и на последующих этапах развития отношений “мать–дочь”.

Итак, проведенный анализ литературы показал, что поддержка и вовлеченность отца и матери в отношения с дочерью способствуют развитию автономии, которая происходит в процессе сепарации и сопровождается установлением доверительных (равных) отношений с родителями и выраженными эмоционально положительными реакциями друг на друга; включенность отца в отношения мать–дочь и его влияние на автономию дочери оценивается в литературе неоднозначно. Независимость дочери может быть обусловлена независимостью матери, но только в том случае, когда у матери не акцентированы маскулинные черты характера, а развита фемининность.

Предметом настоящего исследования являются признаки сепарации в отношениях дочери с маскулинной и фемининной матерью.

Цель: выявление различий в переживании дочерью сепарации от матери с учетом выраженности у матери фемининных или маскулинных черт характера.

Гипотезы:

1. Существует связь между представлением дочери о выраженности у матери маскулинных черт характера и переживанием сепарации от матери.
2. Девушки, способные легче переживать сепарацию от матери, развивают как маскулинные, так и фемининные черты характера. Зависимые девушки воспринимают себя как более маскулинные.
3. Свободные, менее зависимые отношения между матерью и дочерью строятся на паритетных основаниях, эмоционально оцениваются как позитивные и представляют собой триаду, т.е. такие отношения матери и дочери, в которых участвует еще один субъект, например, отец.

МЕТОДИКА

Участники исследования: в исследовании приняли участие 50 девушек, которые являются студентками гуманитарных вузов г. Москвы; возраст – от 18 до 22 лет³.

³ Программа исследования разработана Н.Е. Харламенковой; данные собраны и первично обработаны Е.А. Дрозд [2]; дополнительная обработка и интерпретация результатов проведены Н.Е. Харламенковой.

Методики:

1. Авторская методика, направленная на диагностику переживания сепарации от матери и компенсации этого переживания. Включает в себя 8 незаконченных предложений, пять из которых имеют количественную 5-балльную шкалу, позволяющую измерять переживания, связанные с реакцией дочери/сына на отъезд матери, на отказ выполнить просьбу, на чувствительность к переживаниям матери по поводу временного отсутствия дочери/сына и др. Максимальная сумма баллов равна 25 и соответствует высокому уровню зависимости от матери. Критериальная валидность шкалы устанавливалась путем расчета коэффициента корреляции между оценками, полученными по шкале, и суммарными оценками респондента пятью экспертами по тем же признакам сепарации ($r_s = 0.86, p < 0.01$).

2. Тест Маскулинность и Фемининность (МиФ) для определения маскулинного, фемининного, андрогинного и недифференцированного типа личности [9]. Методика является модификацией теста С. Бем “Опросник половых ролей” и перечня маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т.Л. Бессоновой. Тест позволяет установить индивидуальную степень выраженности фемининности, маскулинности, андрогинности и определить субъективное отношение личности к своему уровню развития этих черт.

3. Тематический апперцептивный тест (ТАТ) Г. Мюррея – таблицы № 3GF, № 5, № 7GF, которые позволяют определить особенности отношений, складывающихся между матерью и дочерью. Анализ рассказов проводился по следующим категориям: “тема рассказа” – а). Семейная-М (мать–дочь), семейная-О (отец–дочь), интимная (женщина–мужчина), личная (чувства, переживания, мысли персонажа о себе), б). Тема отношения с другими женщинами (дружба, соперничество), в). Другие темы, в том числе и профессиональная; “герой”⁴ – а). Дочь, сын, внук, внучка; б). Мать, бабушка, любая взрослая женщина; в). Подруга (по отношению к другой женщине), г). Партнерша (по отношению к мужчине); “чувства” – а). Потеря, утрата, одиночество, горе, б). Обида, оскорбление, гнев, в). Вина, стыд, г). Радость, удовольствие, д). Беспокойство, страх; “позиция героя” – а). Активная, б). Пассивная, в). Страдательная, г). Созерцательная; “отношения между персонажами” – а). Равные, дружеские, б). Взаимозависимые-Л (герой лидер), в). Взаимозависимые-П (герой ведомый), г). Конфликтные,

д). Взаимные отношения отсутствуют; “исход” – а). Благоприятный, б). Неблагоприятный, в). Неопределенный; “структура отношений” – а). Моноада, б). Диада, в). Триада.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для проверки выдвинутых гипотез выборка была разделена на две группы по результатам, полученным с помощью авторской методики. Применяя медианный критерий, респондентов, суммарные баллы которых по авторской методике были ниже медианы ($Med = 16$), отнесли к группе 1, а респондентов, суммарные баллы которых были выше медианы, отнесли к группе 2. Первая группа была названа “автономные” ($n = 24$), вторая – “зависимые” ($n = 26$).

В целях проверки первой гипотезы респондентов просили заполнить тест Маскулинность и Фемининность (анализировались результаты теста, полученные по трем из восьми инструкций: “На самом деле я...”, “Мужчины считают, что я...”, “Женщины считают, что я...”), а также оценить с помощью этого теста свою мать (инструкции “На самом деле моя мама...”, “Мужчины считают, что моя мама...”, “Женщины считают, что моя мама...”).

Результаты подтверждают гипотезу. А именно: девушки, которые больше зависимы от матери (2 гр.), считают своих матерей более маскулинными (табл. 1). При этом они полагают, что другие женщины считают их матерей более фемининными, по сравнению с оценкой фемининности своей матери девушками 1 группы. Получается, что в представлении зависимой дочери их мать маскулинна, однако она снижает свою маскулинность при взаимодействии с другими женщинами, становится более мягкой, дружественной. Это значит, что требовательность и жесткость матери адресуются именно дочери, с которой устанавливаются взаимозависимые отношения.

Сравнение девушек двух групп по самооценке маскулинности и фемининности показало, что зависимые девушки оценивают себя как более маскулинных, причем как по инструкции “На самом деле я...” ($U = 208, p = 0.04$), так и по инструкциям “Мужчины считают, что я...” ($U = 206.5, p = 0.04$), “Женщины считают, что я...” ($U = 186.5, p = 0.01$). Возможно, что выраженные черты маскулинности, приписываемые матери, не позволяют девушке интегрировать фемининные черты. Корреляции между самооценкой и оценкой матери по маскулинности и фемининности показа-

⁴ Персонаж, с которым идентифицируется респондент.

Таблица 1. Различия в представлении о матери у автономных и зависимых девушек

Гендерные характеристики	Деление на группы по медианному критерию			
	сумма рангов 1 группа	сумма рангов 2 группа	<i>U</i>	<i>p-level</i>
<i>M</i> ₁	470.5	804.5	170.5	0.006*
<i>F</i> ₁	558.0	717.0	258.0	0.29
<i>M</i> ₂	549.5	725.5	249.5	0.23
<i>F</i> ₂	554.0	721.0	254.0	0.26
<i>M</i> ₃	545.5	729.5	245.5	0.19
<i>F</i> ₃	506.0	769.0	206.0	0.039**

Примечание. *M*₁ и *F*₁ – маскулинность и фемининность матери в представлениях дочери о ней (“На самом деле моя мама...”), *M*₂ и *F*₂ – восприятие мужчинами матери с точки зрения дочери (по признакам маскулинности и фемининности) – “Мужчины считают, что моя мама...”, *M*₃ и *F*₃ – восприятие женщинами матери с точки зрения дочери (по признакам маскулинности и фемининности) – “Женщины считают, что моя мама...”; * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.001$.

ли, что *автономные девушки* идентифицируются с матерью по фемининным признакам ($r_s = 0.4$, $p = 0.043$). Кроме того, единство дочери (1 гр.) с матерью можно увидеть по оценке другими женщинами (“Женщины считают, что я...”, “Женщины считают, что моя мама...”) черт маскулинности ($r_s = 0.5$, $p = 0.01$) и фемининности ($r_s = 0.6$, $p = 0.001$) дочери и матери. В то же время у *зависимых девушек* корреляции были получены только по маскулинности, причем по инструкциям “Женщины считают, что я...”, “Женщины считают, что моя мама...” ($r_s = 0.4$, $p = 0.05$). Это значит, что автономные девушки способны принять как мужские, так и женские черты, и этой интеграции способствует мать, с которой девушка идентифицируется именно по фемининности. Зависимые демонстрируют маскулинность, которая, по-видимому, является защитной, менее явно интегрируя фемининные черты. Гипотеза 2 подтверждается.

Деление респондентов на группы по данным авторской методики, направленной на диагностику переживания сепарации от матери, проводилось с учетом количественного показателя степени переживания дочери по поводу ситуаций разлуки с матерью, разотождествления с ней и т.д. Качественное своеобразие отношений мать–дочь и соответственно признаки сепарации в этих отношениях частично были выявлены с помощью анализа ответов респондентов на незаконченные предложения этой же методики. Различия между группами респондентов были получены, прежде всего, по эмоциональным реакциям дочери на различные жизненные ситуации. Оказалось, что для автономных девушек не типично переживать страх, тревогу при временной разлуке с матерью ($\phi = 3.27$ при $p < 0.01$), испытывать вину в случае принятия собственного решения без согласования

с матерью ($\phi = 1.75$ при $p < 0.05$), ощущать неуверенность при совершении самостоятельных действий ($\phi = 2.31$ при $p < 0.01$).

Для подтверждения полученных результатов и снижения социальной желательности ответов были использованы данные обследования респондентов с помощью Тематического апперцептивного теста (ТАТ). Выделенные нами эмпирические конструкты, перечисленные ниже, рассматривались как наиболее чувствительные к проявлению признаков сепарации⁵.

Основой сепарации, как было показано в теоретическом обзоре, являются поддерживающие отношения матери и отца, которые сопутствуют идентификации с матерью и развитию из этих отношений, построенных на идентификации и поддержке, автономной идентичности дочери. Отделение от матери проявляется в том, что дочь способна к принятию самостоятельных решений и не дистанцируется от матери, а по-новому строит отношения с ней. Именно поэтому критериями состоявшейся сепарации являются признаки, указывающие на равенство позиций матери и дочери в их диалоге, на позитивное переживание отношений в паре мать–дочь.

⁵ Обычно сепарацию рассматривают как активный процесс отделения субъектов друг от друга, который сопровождается рядом негативных проявлений. Эти проявления типичны для подросткового возраста или для более старшего возраста в случае затянувшегося процесса сепарации. В настоящей статье мы склонны анализировать сепарацию как состоявшийся процесс, который ведет к автономии субъектов, к их независимости, и проявляется в умении поддерживать паритетные отношения, в переживании положительных эмоций. Не следует путать эти характеристики взаимодействия с признаками симбиотического контакта, когда пара функционирует как недифференцированное целое.

Таблица 2. Характеристики персонажа – объекта идентификации

Объект идентификации – главный герой рассказа			В роли взрослой женщины в рассказе выступают		
дочь	мать	оба персонажа	мать	бабушка	няня
43	32	17	69	10	11

Таблица 3. Чувства матери и дочери

Чувства матери					Чувства дочери				
горе, утрата	гнев, обида	вина, стыд	радость, счастье	страх, беспокойство	горе, утрата	гнев, обида	вина, стыд	радость, счастье	страх, беспокойство
4	9	3	19	12	19	15	4	14	5

В качестве эмпирического критерия использовалась характеристика объектов, с которыми идентифицируется дочь (по результатам ТАТ). Предполагали, что автономия проявляется в идентификации с таким персонажем (объектом), как дочь, которая строит свои отношения с другим персонажем (объектом) – матерью – на *паритетных основаниях*. Эта особенность отношений выступила в качестве первого признака сепарации как завершающегося процесса. Вторым признаком сепарации были определены *положительные эмоции*, сопутствующие паритетным отношениям в паре мать–дочь. К третьему признаку сепарации был отнесен определенный тип отношений с матерью – тип *триады*, предполагающий включение в диаду мать–дочь третьего объекта (отца, друга/подруги и др.). Соответственно зависимые отношения между матерью и дочерью характеризовались как соподчиненные (например, такие, в которых мать доминирует над дочерью), не допускающие разбиения диады и сопровождающиеся негативными переживаниями.

Прежде всего, представим данные всей выборки респондентов в целом.

Результаты показывают, что чаще всего респонденты идентифицируются с таким персонажем, как дочь, а в роли взрослой женщины чаще выступает мать (табл. 2). Выявлены случаи идентификации девушки с обоими персонажами в одном рассказе.

Наиболее выраженными чувствами персонажа “мать” в рассказах ТАТ являются: радость и страх/беспокойство, чуть реже – гнев/обида; наиболее выраженные чувства персонажа “дочь” – утрата, потеря, одиночество, обида и радость/счастье (табл. 3).

Вина и стыд оказались нечастыми переживаниями как для матери, так и для дочери; горе, утрата переживаются в основном дочерью и не типичны для матери, тогда как страх и беспокойство являются типичными переживаниями матери и не свойственны дочерям.

При анализе рассказов учитывались структура (тип) отношений и позиции участников: рассматривалась монада (слабая дифференциация двух персонажей), диада (дифференциация и взаимодействие двух персонажей) и триада (взаимодействие двух персонажей – матери и дочери при активном участии третьего персонажа).

Чаще всего отношения мать–дочь строятся по типу диады, причем преобладающим в этих отношениях является такое взаимодействие, при котором мать выступает лидером. Триада строится по типу отношений мать–дочь, в которые входит третий субъект. В качестве такого субъекта в отношении мать–дочь вероятнее всего включается: 1) друг/подруга, 2) ребенок и 3) любимый мужчина (табл. 4).

Далее особенности отношений в паре мать–дочь изучали, сопоставляя две группы респондентов – автономных (гр. 1) и зависимых (гр. 2). В целях выявления статистически значимых различий использовали критерий угловое преобразование Фишера (φ*).

Анализ показал, что различий по объектам идентификации между группами не наблюдается. В качестве взрослой женщины в отношениях мать–дочь в обеих группах чаще выступает мать; по этому параметру также не было выявлено различий. Тем не менее, при сравнении не так часто фигурирующих персонажей, выступающих в роли взрослой женщины – бабушки и няни, в рассказах девушек с невыраженными признаками се-

Таблица 4. Структура отношений (монада, диада, триада) и позиция участников взаимодействия (частотный анализ)

Монада	Диада			Триада				
	симбиоз	дистанцирование	лидерство матери	паритетность	отец	мужчина	друзья	другая женщина
8	14	29	8	3	10	12	2	12
8		51						

Примечание. В триадных отношениях “мужчина” – это любой персонаж, кроме отца.

Таблица 5. Различия в характеристиках объекта идентификации в группе автономных (1 гр.) и зависимых (2 гр.) респондентов

	Объект идентификации			Роль взрослой женщины в отношениях мать–дочь		
	дочь	мать	оба персонажа	мать	бабушка	няня
1 гр.	19	14	9	30	2	8
2 гр.	24	18	8	39	8	3
ϕ	1.36	0.8	0.5	1.35	2.1*	1.9*
p		$p > 0.05$			$p < 0.05$	

Таблица 6. Чувства матери и дочери в разных группах респондентов

	Чувства матери					Чувства дочери				
	горе, утрата	обида, гнев	вина, стыд	радость	страх, тревога	горе, утрата	обида, гнев	вина, стыд	радость	страх, тревога
1 гр.	1	2	3	12	7	7	8	3	7	3
2 гр.	3	7	0	7	5	12	7	1	7	2
ϕ	0.98	1.8*	1.6	1.7*	0.8	1.7*	0.5	0.98	0.2	0.6
p	$p > 0.05$	$p < 0.05$	$p > 0.05$	$p < 0.05$	$p > 0.05$	$p < 0.05$			$p > 0.05$	

парации персонаж “бабушка” присутствует чаще, а персонаж “няня” – реже (табл. 5).

Далее анализировались чувства матери и дочери, которые возникают в контакте друг с другом.

Анализ рассказов респондентов показал, что мать из более зависимой пары испытывает по отношению к дочери чувство обиды, гнев и реже – радость (табл. 6). По мнению К. Эльячефф и Н. Эйниш, категория женщин, которые являются “в большей степени женщинами, чем матерями”, стремится к установлению асимметричных отношений, выбирая форму подчиненного положения дочери по отношению к ней. “У матери явно заметны трудности как с выражением чувств, так и со способностью их проживать до конца, она старается подавить их как можно скорее” [10, с. 97]. Мать не в состоянии подарить любовь или признание, чувства вины и стыда не выражены. “Эмоциональная черствость и нарциссизм служат матери защитой от чувства вины” [там же, с. 98].

По нашим данным, для дочери из этой пары наиболее сильными являются чувства горя, утраты, одиночества, т.е., по-видимому, то, что принято называть сепарационной тревогой и страхом отделения (табл. 6).

Соответственно, в чувствах матери, дочь которой ощущает себя менее зависимой, отмечаются позитивные проявления, более радостные чувства. Дочь испытывает меньше переживаний меланхолического и тревожного ряда, реже переживает горе и утрату по сравнению с зависимыми от матери девушками.

Предполагалось, что отношения девушек, позитивно переживающих сепарацию от матери, будут строиться по типу триадных отношений, в которых взаимодействие с матерью опосредовано интересом к третьему лицу. С этой целью рассказы по таблицам ТАГ анализировались с учетом структуры (типа) отношений – монада, диада и триада (табл. 7). Отношения матери и дочери, в

Таблица 7. Структура отношений (монада, диада, триада) и характер взаимодействия между матерью и дочерью

	Тип отношений			Характер отношений				
	монада	диада	триада	1	2	3	4	5
1 гр.	4	24	17	14	4	12	1	13
2 гр.	4	29	20	11	10	12	2	16
ϕ	0.12	0.4	0.5	1.1	1.8*	0.3	0.5	0.5
	$p > 0.05$				$p < 0.05$		$p > 0.05$	

Примечание. По характеру отношения делятся на: 1. Равные, дружеские; 2. Неравные, герой – лидер; 3. Неравные, герой подчинен лидеру; 4. Неравные, конфликтные; 5. Взаимоотношения отсутствуют.

которых их позиции оказывались недифференцированными, слитыми, симбиотическими обозначались словом “монада”; отношения между двумя отдельными партнерами, матерью и дочерью, обозначались словом “диада”, а диадические отношения, в которых активную роль выполнял третий персонаж, обозначали словом “триада”.

Статистическая обработка результатов не позволила определить значимые различия по параметрам монада–диада–триада (табл. 7). По-видимому, важным оказывается не структура отношений, а их характер в паре, распределение ролей между матерью и дочерью.

Действительно, по одному из показателей параметра “характер отношений” в диаде, в которой позиция матери является лидирующей, различия были обнаружены. Оказалось, что в группе зависимых ведущая роль матери наблюдается чаще ($\phi = 1.69, p < 0.05$). Из этого следует, что в большинстве ситуаций для группы зависимых от матери девушек диада строится по типу лидерства матери и лишь в редких случаях – по типу доминирования дочери. По-видимому, зависимые отношения предполагают соперничество, причем как со стороны матери, так и со стороны дочери. Такие ситуации чередуются, поскольку соперничество не перерастает в конфликт. Паритетные отношения более типичны для автономных девушек, хотя статистически значимые различия не были здесь выявлены. Третья гипотеза подтверждается частично.

По типу исхода ситуаций, в которых описывается взаимодействие матери и дочери, различия между двумя группами не выявлены ни по благоприятному, ни по неблагоприятному исходу. Неопределенный исход ситуаций чаще встречается у зависимых девушек ($\phi = 2.6, p < 0.01$).

Отдельно анализировали чувства и характер отношений между мужчиной и женщиной – персонажами рассказов, придуманных респондентами

на картинки ТАТ. Зависимые девушки стремятся установить равные отношения с партнерами ($\phi = 1.8, p < 0.05$), в группе независимых девушек такие отношения не встречаются вообще; исход рассказов по отношениям мужчина–женщина у автономных девушек – чаще негативный.

Создается впечатление, что девушки, отношения которых с матерью выглядят как более независимые, демонстрируют свою автономность и во взаимодействии с мужчиной. В таких ситуациях активного взаимодействия неблагоприятный исход можно рассматривать как сопротивление, направленное против стереотипных отношений, либо установку на самостоятельность и в отношениях с мужчиной.

В отношениях между матерью и дочерью нередко можно обнаружить явные парадоксы. С одной стороны, такие отношения строятся на чувстве привязанности, любви, взаимозависимости; мать для дочери выступает объектом идентификации, объектом подражания. С другой стороны, необходимость индивидуального развития каждого из субъектов ведет к упрочению автономии, которая способствует возобновлению отношений на новом уровне и сохранению их живости, новизны, многогранности. Отделение дочери от матери – это естественный процесс развития личности, в русле которого как дочь, так и мать становятся суверенными субъектами своего жизненного пути. В идеале отношения начинают строиться на паритетных основаниях, где равенство позиций обоих участников приобретает устойчивый характер. В реальности, несмотря на ресурсность такого взаимодействия, случаи симбиоза и зависимости в паре мать–дочь встречаются довольно часто.

Мысль о том, чтобы проверить гипотезу о различиях в переживании сепарации дочери в зависимости от гендерной идентичности матери, сформировалась вследствие анализа компенсаторных способов отделения ребенка от матери

при невозможности осуществления нормального процесса разотождествления с ней. В исследовании подтвердилась гипотеза о связи маскулинности, приписываемой дочерью матери, с зависимостью дочери от матери. Кроме того, оказалось, что уровень маскулинности зависимых девушек выше по сравнению с уровнем маскулинности независимых девушек. Полученные результаты подтверждают выводы, сделанные Е.В. Кумыковой, о том, что формирование внутренней независимости женщины во многом определяется особенностями организации полоролевой идентичности: ее фемининной природой и интегрированностью, в том числе и интеграцией маскулинных свойств, но не их предпочтительностью в структуре гендерной идентичности женщины [5].

Данные, полученные с помощью опросников, подтверждаются и уточняются при обсуждении результатов, выявленных проективным методом (ТАТ). Учитывая тот факт, что зависимость дочери, скорее всего, указывает на созависимость в паре мать–дочь, было показано, что зависимость матери в таких отношениях проявляется в выражении обиды и гнева на чувства и поступки дочери, а зависимость дочери – в переживании чувств утраты, горя, одиночества. Отношения матери и дочери в автономных парах построены на положительных эмоциях: мать испытывает радость от общения с дочерью, а дочь не испытывает одиночество и утрату так, как это переживает девушка из созависимой пары.

Предполагалось, что отношения между матерью и дочерью из автономной пары будут опосредованы участием третьего человека, например, отца. Именно такой тип отношений позволяет ослабить взаимозависимость матери и дочери, сделав их связь структурно более сложной. Оказалось, что в обеих группах диадические и триадические отношения представлены одинаково часто и различий между группами не наблюдается. В автономной паре в качестве взрослой женщины наиболее часто выступает мать, редко, но значимо чаще, чем в зависимой паре, – няня, т.е. человек, который не является родственником. “Мать-заместительница может оказаться единственным шансом для ребенка, компенсировав ему отсутствие матери, или еще проще, она может ослабить его зависимость от матери” [10, с. 359]. Видимо, поэтому отношения у дочери с собственной матерью оказываются более зрелыми и не теряют положительной эмоциональной окраски.

В зависимой паре место няни занимает бабушка. Соотношение этих показателей позволяет сформулировать гипотезу о более тесных отно-

шениях между матерью и дочерью в зависимой паре, которые усиливаются присутствием еще одной мамы, выполняющей роль бабушки. Согласно К. Эльячефф и Н. Эйниш, женщины стремятся отдавать своих детей собственной матери. И если это умудренная опытом бабушка, то привязанность к ней “может быть сильнее, длительнее и наверняка менее противоречивой, чем привязанность к родителям...” [там же, с. 362–363]. Однако выраженность в зависимой паре чувств обиды, гнева, а также переживаний одиночества и утраты может свидетельствовать о недостаточности компенсаторной роли бабушки либо о неумении матери правильно символизировать замещающую роль бабушки. Недостаточность объяснений, которые исходят от матери, обнаруживается в значительном количестве рассказов ТАТ с неопределенным исходом у менее автономных девушек. Такая неопределенность рассказов может указывать на нежелательную открытость реальных ситуаций, на их незавершенность. Однако, несмотря на проявление явной зависимости от матери и оценку себя как женщины с акцентуированными маскулинными чертами, девушка со слабо выраженными признаками сепарации стремится устанавливать равные отношения с мужчинами.

Для автономной молодой женщины отношения с противоположным полом выглядят более драматично – в них меньше равенства и больше ожиданий негативного исхода. Являются ли эти представления следствием негативных установок независимых женщин на отношения с мужчинами или это результат более реалистичного, самостоятельного взгляда на жизнь, ответить трудно, учитывая рамки настоящего исследования. В целом же можно сказать, что автономия дочери расширяет возможности независимого функционирования обеих женщин, делает отношения разнообразными и динамичными. Предположительно и то, что этот стиль переносится на отношения с противоположным полом, обнаруживая в них особую ресурсность, новые возможности.

ВЫВОДЫ

1. В исследовании показано, что ощущение зависимости дочери от матери определяется степенью выраженности у матери маскулинных черт характера в ее оценке дочерию.

2. Более автономные девушки, легче переживающие сепарацию от матери, имеют более гармоничную гендерную идентичность с неявно выраженными маскулинными чертами.

3. Структура отношений между матерью и дочерью по параметрам “диада” и “триада” не различается в разных группах респондентов, но обнаруживает специфику эмоционального отношения матери и дочери в зависимых и автономных парах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
2. Дрозд Е.А. Представление о гендерной идентичности матери и его связь с суверенностью и сепарацией дочери: Дипломная работа. ГАУГН, 2011.
3. Ковалева Ю.В., Сергиенко Е.А. Контроль поведения при различном течении беременности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 70–82.
4. Ковалева Ю.В. Регуляция поведения будущего отца как самостоятельный фактор пренатального развития // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 262–271.
5. Кумыкова Е.В. Психологические особенности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010.
6. Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011.
7. Сергиенко Е.А., Соколова О.А. Динамика личностных характеристик женщины в период беременности как фактор психического здоровья матери и ребенка // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 69–81.
8. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
9. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология: Руководство для врачей. М.: Медицина, 2001.
10. Эльячефф К., Эйниш Н. Дочки-матери. Третий лишний? М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006.
11. Baril H., Julien D., Chartrand É., Dubé M. Females’ quality of relationships in adolescence and friendship support in adulthood // Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement. Jul. 2009. V. 41(3). P. 161–168.
12. Blum L.D. Psychodynamics of postpartum depression // Psychoanalytic Psychology. Jan. 2007. V. 24(1). P. 45–62.
13. Charles M., Frank S., Jacobson S., Grossman G. Repetition of the remembered past: Patterns of separation-individuation in two generations of mothers and daughters // Psychoanalytic Psychology. Feb. 2001. V. 18(4). P. 705–728.
14. Cox S.J., Mezulis A.H., Hyde J.S. The influence of child gender role and maternal feedback to child stress on the emergence of the gender difference in depressive rumination in adolescence // Developmental Psychology. Jul. 2010. V. 46(4). P. 842–852.
15. Crean H.F. Conflict in the Latino parent-youth dyad: The role of emotional support from the opposite parent // Journal of Family Psychology. Jun. 2008. V. 22(3). P. 484–493.
16. Dujovne B.E. Contemporary revisions of classical psychoanalytic theory of early female development // Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. Sum. 1991. V. 28(2). P. 317–326.
17. Flouri E. Women’s Psychological Distress in Midadulthood: The Role of Childhood Parenting Experiences // European Psychologist. 2005. V. 10(2). P. 116–123.
18. Francis L.A., Birch L.L. Maternal influences on daughters’ restrained eating behavior // Health Psychology. Nov. 2005. V. 24(6). P. 548–554.
19. Gjerde P.F. The interpersonal structure of family interaction settings: Parent-adolescent relations in the interpersonal structure of family // Developmental Psychology. May 1986. V. 22(3). P. 297–304.
20. Gross P.H., McCallum R.S. Operationalization and predictive utility of mother-daughter synchrony // School Psychology Quarterly. Fal. 2000. V. 15(3). P. 279–294.
21. Humphrey L.L. Observed family interactions among subtypes of eating disorders using structural analysis of social behavior // Journal of Consulting and Clinical Psychology. Apr. 1989. V. 57(2). P. 206–214.
22. Teitelman E., Glass J., Blyn Ch., Jennings D. The treatment of female borderlines // Schizophrenia Bulletin. 1979. V. 5 (1). P.111–117.

SIGNS OF SEPARATION OF DAUGHTER IN RELATIONSHIPS WITH MASCULINE AND FEMININE MOTHER

N. E. Kharlamenkova

*Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of psychology of posttraumatic stress,
Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow*

The results of theoretical and empirical research of specific character of mother–daughter relationships are presented. The most obvious signs of separation of daughter from mother are revealed in pairs that are more autonomous and the ones are manifested in positive emotions' experiencing. The dependence of daughter from her mother is proved to correlate with intensity of mother's masculine indices and with male-dominated features in daughter. Differences between girls with different level of separation from mother in types of relations (monad, dyad, triad) are not revealed.

Key words: mother's representation, autonomy, separation, emotions; monadic, dyadic, triadic relationships.